
СОДЕРЖАНИЕ И ВЫРАЖЕНИЕ ПАДЕЖА В
КОММУНИКАЦИИ И ГРАММАТИКЕ
(на материале русского и армянского языков)

В. В. МАДОЯН

Сущность, взаимосвязь и взаимообусловленность знака и значения всегда были в центре внимания и теоретического и описательного языкознания. В связи с появлением необходимости создания эффективных лингвистических основ практического изучения языков и машинного перевода исследование этих моментов на современном этапе получило особую актуальность, ибо объективное описание их позволит установить условия однозначного соответствия содержания и выражения языкового знака в коммуникации, который в грамматике почти не бывает однозначным. Так как коммуникативным знаком является в первую очередь словоформа (а не слово как единица словаря), изучение сущности и взаимосвязи содержания и выражения целесообразно прежде всего на уровне падежа.

В коммуникации падеж—это определенное конкретное отношение между предметами или предметом и действием, качеством, количеством в материальном мире. В грамматике—это основа построения парадигмы имени и показатель связи (отношения его к другим словам в словосочетании и предложении). В коммуникации он характеризует член определенного законченного высказывания, в грамматике—является структурным элементом парадигмы. Это положение и предопределяет многоаспектность падежа. Для носителя языка понятия падежа вне связи с теоретическим восприятием (анализом высказывания) не существует. Для носителя языка существует словоформа как компонент речи. Например, в выражениях *идти лесом* и *идти по лесу* формы *лесом* и *по лесу* воспринимаются только в общем контексте как синонимы—обозначения места. Аналогично и в армянском: *թափառելի անտառով, թափառելի անտառի մեջ, գրքովի քաղաքով, գրքովի քաղաքի մեջ*. С этой точки зрения здесь выделяется не тот или иной падеж, а реальное значение, важное в плане восприятия окружающей действительности. Эти значения—коммуникативные. Они и создают живую речь. Падежная форма здесь—член высказывания, а не компонент словоизменительной парадигмы. Связь же слов предопределена смыслом всего выражения, а не синтаксическими связями глагола, которые для говорящего сознательно не существуют: речь порождается механически.

Попытка же осмыслить «механизм» увязывания форм с теми или иными коммуникативными значениями приводит к грамматическому анализу высказывания, и, если коммуникативное значение в нем воспринималось как единое целое, то теперь определяется как сумма значений: лексических (составляющих его лексем) и грамматических, причем лексические значения во многом определяют грамматические. Роль лексики выявляется при первой же попытке употребления в одной и той же конструкции разных лексем. В словосочетании *идти по головам* или *гордиться лесом* формы существительных морфологически (а во втором словосочетании—и лексически) аналогичны приведенным выше, но не ассоциируются с локально-

стью, так как в первом случае—лексическое значение имени указывает на образ действия, а во втором—лексическое значение глагола указывает на предмет, подверженный действию. Ср. в армянском: *Քաղաքի արտաքին մեջ, հրահրի անտառի*¹.

В то же время лексика и грамматика тесно взаимосвязаны. Как уже замечено в науке, «между синтаксическими и семантическими свойствами языковых выражений имеется двусторонняя зависимость. Она проявляется в том, что языковые выражения с похожими синтаксическими свойствами имеют близкие значения, и наоборот, языковые выражения с близкими значениями имеют похожие синтаксические свойства»¹.

Анализ материала «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (М., 1984) явно показывает, что глаголы одной и той же семантики требуют при себе, как правило, одни и те же падежи (от 80 до 100%). Например, глаголы, со значением визуального восприятия (*видеть, зреть, рассматривать, разглядывать, увидеть* и т. п.) требуют прежде всего винительного падежа предмета действия, что указывает на непосредственную связь между лексической семантикой и синтаксисом слова. Однако такая связь не всегда последовательно выражающаяся, ибо наряду с *видеть кого-что*, существует и *смотреть на кого-что* вместе с *смотреть что* (например, *смотреть спектакль*). Более того, синтаксис синонимов может не совпадать вообще. Ср.: *владеть чем-либо—иметь что-либо; беспокоиться о ком-либо—переживать за кого-либо; стремиться к чему-либо—добиваться чего-либо*. Это—свидетельство определенной автономии синтаксиса. Она проявляется и в способности одной и той же формы быть и управляемой, и примыкаемой в зависимости от синтаксиса главенствующего слова (ср.: *смириться с акцентом—плохо с акцентом* и т. п.), в способности выполнять в предложении различные функции (выступать в качестве его различных компонентов, ср.: *С акцентом получалось хуже.—Он говорил с акцентом.—А русский-то у Вас с акцентом.*)

Аналогичные данные выявляются и при анализе «Толкового словаря современного армянского языка» (тт. I—IV, Ереван, 1969—1980).

В предложении коммуникативные значения связаны с его структурной схемой и ее реализациями, ибо она представляет собой «абстрактный синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное минимальное относительно законченное предложение»². В разных структурных схемах, а иногда и в разных их реализациях одна и та же форма может иметь различные значения. Ср.: *Город живет.—Город взят* в русском; *Կաթիլը շարժվելով է—Կաթիլը դառն է տալիս* в армянском (субъект—объект действия). С другой стороны, структура высказывания дифференцирует все формы составляющих компонентов, которые не дифференцируются на уровне словосочетания или парадигмы. Ср. *Видит мать дочь, Стройуправление сооружает новый цех*; в арм.: *Գործարարը կառուցում է վարչաթղթար*.

И наконец в организации коммуникативного значения активно участвует сам падеж, что свидетельствует о наличии у него самостоятельного значения отношения/связи. Например, при русском глаголе *понять* возможны *душу* (винительный падеж, значение предмета действия), *душе* (дательный падеж, значение субъекта действия), *ду-*

¹ Ю. Д. Апресян, Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М., 1967, с. 228.

² Русская грамматика, т. II, М., 1980, с. 92.

шою (творительный падеж, значение определения по средству действия), *в душе* (предложный падеж, значение определения по месту). Армянский глагол գնալ допускает բաղաբ—բաղաբից—բաղաբով—բաղաբովմ. При одних и тех же управляющей и управляемой лексемах высказывание получает разное коммуникативное содержание благодаря падежам, что указывает на прямую связь между коммуникативным значением форм в словосочетании и падежной семантикой. Исследование глаголов по словарю-справочнику Д. Э. Розенталя «Управление в русском языке» (М., 1981) и уже названному «Толковому словарю современного армянского языка» убеждает, что способность сочетаться с формами нескольких падежей—свойство подавляющего большинства этих слов, а это значит, что во всех подобных случаях специфичность смысла обеспечивается семантикой падежа. Последняя проявляется и при одиночном употреблении словоформ. Ср. заглавия газетных материалов: *Дом, В поле, Мира! Честным трудом* и т. д., в русском; Տնն, Առողջապահութիւնն, Արցախում в армянском.

Анализ падежных значений показывает, что коммуникативные значения, в которых «отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности»³, «создаются» сложным взаимодействием разных факторов и зачастую не являются прямым отражением падежных значений⁴. Отсюда следует, что коммуникативные, а не падежные значения, как констатирует «Грамматика современного русского литературного языка», определяются: «1) категориальными свойствами подчиняющего слова, 2) самой формой подчиняющегося имени, 3) характером связующего элемента (предлога), а также часто и 4) лексической семантикой этого имени»⁵.

Для знающего язык коммуникативные значения всегда конкретно определены, т. е. они связаны с определенными главенствующим и подчиненным компонентами. Например, в русском при глаголе *заблудиться* форма *в лесу* с локальным значением воспринимается механически. Грамматический анализ их (значений) предполагает определенное обобщение, что допускает наличие исключений. Так, при глаголах пребывания обычных формы с локальным значением (ср.: *заблудиться, потеряться, находиться, стоять, ждать в лесу, в трех соснах, в подвале* и т. п.), однако при некоторых из них возможны и формы со значением состояния (ср.: *находиться в обмороке*). Это значит, что правила выведения коммуникативных значений могут быть только вероятностными.

В то же время содержание падежных образований не ограничивается выделенными значениями, так как при абсолютном тождестве всех рассмотренных условий разные субстантивы не всегда имеют одно и то же морфологическое выражение. Последнее варьирует в зависимости от рода, числа, типа склонения и лексико-грамматических категорий имени. Например, творительный падеж оформляется с помощью окончаний *-ой (-ою), -ом, -ью, -ами*, и эти окончания не

³ В. В. Виноградов, Русский язык (грамматическое учение о слове), М., 1972, с. 139.

⁴ См. коммуникативные значения в кн.: А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, М., 1958, с. 431—518, и др.: է. Բ. Աղաջան, ժամանակակից հայերենի հոլովումը և խոնարհումը, Երևան, 1967, էջ 222—233, Վ. Դ. Առաքելյան, ժամանակակից հայերենի հոլովները և հոլովական կապակցությունների իմաստային առումները, Երևան, 1957 и др.

⁵ Грамматика современного русского литературного языка, М., 1970, с. 326.

имеют ни лексических, ни синтаксических, ни коммуникативных различий. Так, в русском слово *вода* имеет в твор. падеже формы *водой* (*водою*) и *водами*, синонимы *луна* и *месяц*—формы *луной* (*луною*), *лунами* и *месяцем*, *месяцами* соответственно. Различия этих образований—сугубо морфологические, потому что только благодаря им эти формы дифференцируются и только ими определяется морфологический аспект падежных образований.

Таким образом, в содержании падежа следует выделить, с одной стороны, коммуникативное (непосредственно проявляющееся значение формы в высказывании), с другой—грамматическое (как отражение первого в грамматике). И в то же время и коммуникативная плоскость, и грамматические плоскости представляют собой различные аспекты единого падежного содержания. Изучение последнего в этом плане требует установления его характеристик во всех выделенных плоскостях, а для обеспечения целостности такого изучения падеж необходимо во всех них представить по единым условиям.

1. Содержание падежа представим с помощью единого организующего элемента—*значения*. Ср. в русском наличие значения ср. рода в форме *словом*, что указывает на содержание в ней (форме) родового значения; наличие значения управления в словосочетании *гордиться сыном*, что в свою очередь указывает на наличие у формы *сыном* значения быть управляемым.

Значение как элемент содержания падежа можно выделить только в том случае, если оно оформлено (однозначно, омонимично, синонимично, полнсемично и т. д.) и образует с формальным показателем регулярную оппозицию, т. е. обладает свойством образовать оппозицию. Оппозиция—это не только противопоставление, но и сопоставление, наличие одного из членов системы только в связи с другим. В данном случае содержание и форма не могут быть противопоставленными, ибо не являются однородными элементами. Противопоставленными могут быть значения внутри одной плоскости содержания, например, значения управления и примыкания в синтаксисе, женского и мужского рода в морфологии и т. д. Другой вопрос, что рассматриваемые элементы бывают взаимосвязанными вне зависимости от плоскости существования и не взаимоисключающими как внутри одной и той же плоскости, так и внутри всего содержания. Так, в русском значение примыкания связано со значением определительным, но значение управления не исключает значения рода.

Значение падежа внутри каждой плоскости может по-разному квалифицироваться и классифицироваться, иметь различный объем, но оно обязательно должно быть членом какой-либо системы, т. е. быть в системности, входить в какую-либо системную организацию, причем исключения здесь—в отличие от исключений из правил в языке—отсутствуют.

Каждая падежная форма для того, чтобы считаться таковой, должна обладать определенным набором значений в каждой из содержательных плоскостей. Это свидетельствует об их (значений) обязательности. Например, в русском синтаксисе сочетающаяся с глаголом падежная форма имени должна обладать значением примыкания или управления, в морфологии—значением рода и т. п.

2. Любое значение есть единица падежного содержания. Однако оно не всегда противопоставляет два или более падежа. Так, значение действующего (коммуникативное) в высказывании—значение им. падежа (в двухкомпонентной схеме N_1-Vf), но оно не противопоставляет им. падеж винительному или творительному.

Синтаксическое содержание проявляется в синтаксических значениях падежа. Так как они отражают значения связи/отношения слов в словосочетании и предложении, их следует искать в присловных и неприсловных подчинительных связях, которые являются выражением грамматической сущности слова как единицы синтагмы. Основной здесь является связь присловная. Она определяет признаки значений отношения, к которым (признакам) относятся конкретные реализации подчинительной связи имени в словосочетании, так как отношение само по себе есть определенная связь, или взаимосвязь в нем двух или более единиц-словоформ. В русском языке, как известно, выделяются три вида синтаксической подчинительной связи: управление, согласование и примыкание. Имя, участвуя в этих связях, формально изменяется, что выражается, в основном, с помощью окончаний и предлогов. Ввиду этого подчинительные связи подразделяются на беспредложные и предложные, и в зависимости от синтаксических условий сочетания слово присутствует в синтагме, по преимуществу, в одной определенной форме. Между формой имени и сочетающейся с ней формой (словом) возникают отношения объектные, определительные, информативного восполнения (по терминологии «Русской грамматики», т. II, М., 1980), на основании которых подчинительные связи в свою очередь делятся на сильные и слабые. Сильная, слабая, беспредложная и предложная связи в своих комбинациях (сильная беспредложная, слабая беспредложная и т. д.) есть частные реализации общих подчинительных связей имени и глагола. Каждое отношение характеризуется специфическим набором частных связей, а это значит, что форма, выражающая определенное отношение, имеет и свою, соответствующую ему частную связь (в качестве сопутствующего признака). Учет частных реализаций связи произведен по данным «Русской грамматики»⁶. Эти признаки можно определить как собственно синтаксические значения формы имени, в совокупности составляющие ее собственно синтаксическую валентность. У каждого падежа она всегда специфична, и формы разных падежей, как правило, не могут быть соединены в синтаксисе соединительной связью, если не содержат определенных, семантически значимых предлогов.

Значения, выражаемые падежом в предложении, в определенной мере отличаются от значений отношения при слове, ибо они обусловлены прежде всего позицией в последнем падежной формы, способной занимать место «компонента предикативной основы предложения; распространителя отдельного члена предложения; распространителя группы членов внутри предложения; распространителя предложения в целом (детерминанта)»⁷. Эти отношения отражают грамматическую (синтаксическую) сущность семантики падежной формы, ибо эти «значения падежей формируются на основе их семантических функций... в предложении и являются абстракциями, отвлеченными от их синтаксических функций. Падеж как носитель значений, отвлеченных от их синтаксических связей и отношений, многозначен»⁸. Выделяются основные и частные значения. К основным относятся субъектные, объектные, определительные, к частным — их вариации. Значения эти можно назвать семантико-синтаксическими, или синсемантическими, поскольку они определяются и семантикой струк-

⁶ Русская грамматика, т. II, с. 13—14.

⁷ Там же, с. 424.

⁸ Там же, т. I, М., 1980, с. 475.

турной схемы и синтаксической функцией падежа. В предложениях типа *Дом развален.—Дом развалили* в русск. именно синсемантика падежей обеспечивает четкое выражение необходимых коммуникативных значений.

Морфологический аспект падежной формы следует определять на основании места падежа в морфологической системе языка. В морфологии, которая «в широком смысле слова... включает в себя парадигматику, грамматические разряды слов, объединенных по признаку общности парадигм, и грамматические категории»⁹, падеж—это один горизонтальный ряд форм в парадигме, отражающий способность слова изменяться, закрепляющий за всеми словами определенной группы строго фиксированный падежный показатель и выражающий определенные морфологические и лексико-морфологические категории и разряды. С другой стороны, падеж здесь можно квалифицировать и как совокупность морфологических признаков, обеспечивающая форме возможность вступать в те или иные подчинительные связи. К морфологическим значениям падежа, исходя из этого, относим 1) его способность выражать изменимость/неизменяемость слова, 2) способность определять форму слова для выражения связей в словосочетании, 3) возможность выражать морфологические или лексико-грамматические категории и разряды. Обязательными и регулярными для падежной формы являются все три значения. Таким образом, морфологические категории рода, числа, типа склонения, одушевленности, собирательности и др. только тогда являются характеристиками падежной формы, когда участвуют в выражении отмеченных морфологических значений. Особые случаи фиксации множественности формой ед. ч., не связанные с грамматической природой падежа, опустим.

Коммуникативные значения падежа—наиболее подробно изученный аспект падежного содержания. Значения этого типа в тех или иных вариациях отражены почти во всех грамматиках русского языка, вышедших преимущественно до 1980 г., в грамматиках армянского языка, а также в большинстве работ по русскому и армянскому падежу. Здесь также можно выделить общие и частные значения, но с меньшей степенью отвлеченности.

А. А. Потебня, обращаясь к падежной семантике, выделяет в ней два типа значений. «... Дело в том,—пишет он,—что под значением слова вообще понимаются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук,—дальнейшим значением слова. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова. Когда я говорю «сиджу за столом», я не имею в мысли совокупность отдельных признаков сиденья, стола, пространственного отношения за и др. Такая совокупность, или понятие, может быть передумана лишь в течение ряда мгновений, посредством ряда умственных усилий и для выражения своего потребует много слов»¹⁰. Внимательное рассмотрение ближайших значений (в нашей терминологии—коммуникативных) с этой точки зрения (близости/отдаленности) позволяет выделить среди них ассоциативно вызываемые и контекстно связанные. Первые, можно предположить, являются связанными с основными функциями форм и

⁹ Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка, М., 1966, с. 92.

¹⁰ А. А. Потебня, указ. соч., с. 19.

составляют ядро падежной семантики в коммуникации. В живой речи именно они и вызываются ассоциативно соответствующей формой. Например, в современном русском форма творит. падежа ассоциативно вызывает значения средства и образа действия, а предложного—места и времени действия. Ср. в заглавиях: *Не хлебом единым, В поле* и др. Аналогично вызываются и падежи. Так, форма сущ. в заглавии *Дом* явно указывает на им., а не вин. падеж; «Գրիտիլը» в заглавии в армянском не может принадлежать никакому падежу, кроме именит.

Ассоциативно вызываемые значения заключены и в самом синтаксисе управляющего глагола или имени,—синтаксисе, обусловленном их лексической семантикой. Ср.: *стирать руками, с мылом, порошком; бить кулаками, пропагандой* и т. п. Все слова, управляющие таким твор. падежом, обозначают действие, которое может выполняться определенным способом, образом или с помощью определенного инструмента. Аналогичное значение заключено в семантически тождественных глаголах преимущественно всех индоевропейских языков. Ср.: *работать руками* (русск.), *arbeiten mit den Händen* (нем.), *աշխատել ձեռքերով* (арм.) и др.

Контекстно связанные значения проявляются в определенных контекстах. Вне контекста они не существуют. Например, форма им. падежа в функции определения связана с контекстом, где она выступает в роли согласования.

Коммуникативные значения более конкретны, чем синсемантические, не только потому, что относятся к смыслу высказывания, но и потому, что учитывают лексическую семантику сочетающихся единиц, а последняя накладывает на организацию нормативного словосочетания серьезные ограничения. Например, в синсемантике вполне допустимо **рисовать цветок молотком* (по структуре *вбивать гвозди молотком*), так как форма *молотком* может иметь определительное значение. В коммуникации же эта фраза исключена, так как молоток нормально не является инструментом выполнения действия *рисовать*.

Следует отметить, что, по-видимому, именно ассоциативная вызываемость падежей дает основания русистам выделять основные функции падежей. Ср. у А. А. Шахматова: «Винительный падеж означает, что глагольный признак распространяет свое действие на всю зависимую от него субстанцию. Родительный, а именно, собственно родительный, означает, что глагольный признак распространяет свое действие только на часть или на поверхность зависимой субстанции. Дательный падеж означает признак, направляющийся к зависимой субстанции, но не достигший её. Творительный означает, что признак испытывает на себе действие зависимой субстанции и таким образом влияет отраженно на субъект производителя признака. Местный падеж означал зависимую субстанцию, в пределах, внутри или на поверхности которой обнаруживается действие признака»¹¹.

Содержание падежа реализуется в его выражении, причем на разных уровнях оно представлено по-разному. В коммуникации падеж выражается совокупностью средств, выделяющих падежное содержание в речи. Эти средства принадлежат разным уровням грамматики и лексики. Например, в предложении *Женщину я вижу* форма *женщину* выделяется с помощью морфологических (флективных) показателей, а в предложении *Мать любит дочь* субстантивные образования определяются порядком слов, т. е. синтаксически. В общем

¹¹ А. А. Шахматов, *Синтаксис русского языка*, Л., 1926, с. 308.

показатели выражения падежа в коммуникации следующие: а) морфологические, т. е. парадигматические, б) собственно синтаксические, в) синтагматические, г) лексические.

В морфологии форма падежа—это член парадигмы, занимающий её определенную «клетку». Она может быть однозначна (специфична) и омонимична. В русском и армянском нет ни одной именной парадигмы, состоящей только из специфических образований. Причем разные падежи обнаруживают различной степени возможность вступать в омонимию. Так, в русском им. и вин. падежи омонимичны во всех парадигмах ед. и мн. числа, кроме парадигмы ед. числа ж. рода на *-а*, одушевленных имен м. рода ед. числа и м. и ж. рода мн. числа, Родит. падеж может быть омонимичен и в парадигмах ед. (не во всех), и в парадигме мн. числа. Дат. и предл. падежи омонимичны в парадигмах ед. числа и специфичны в парадигме мн. числа. Творит. падеж всегда специфичен. В армянском омонимия шире, однако и здесь тв. падеж всегда специфичен¹². В связи с этим в морфологии вводится понятие совокупности падежных показателей—флексий. Каждая такая совокупность всегда специфична, т. е. падеж специфически выражен хотя бы в одной из парадигм. Ср. в им. падеже *жена*, в винит.—*жену* и т. д. В морфологии каждая парадигма устанавливается проведением соответствия с другими парадигмами, а форма закрепляется за определенным падежом благодаря оппозиции «по вертикали». Так, в русском парадигма слова *дочь* имеет соответствующий вид по аналогии с другими парадигмами, и, например, форма *дочери* закрепляется за двумя падежами потому, что в I женском склонении ей соответствуют две формы, противопоставленные друг другу: *жены—жене* т. е. *дочь—дочери—дочери—дочь...*, потому что *жена—жены—жене—жену*.

В парадигме форма выражается а) с помощью окончания: *сын—сын-а*, *սնիւն-ի—սնիւն-ն՝ի*; б) с помощью предлога и окончания: *сын-о сын-е*, *սնիւն-ը—սնիւն-ի մէջ*; в) с помощью ударения и окончания: *дом—дом-а́*, *սնիւն—սնիւն-ի՛* г) с помощью ударения: *город-а*—*город-а́* (только в русском); д) с помощью изменения основы: *шшнի—шшн* (только в армянском), основы и окончания (или предлога+окончание): *боярин—бояр-е*, *пес—пса*, *шшнի—шшн-նի*. По назначенности в морфологии все средства выражения равносильны, поскольку в одинаковой мере фиксируют оппозицию различных падежных образований. Например, падеж выражается и по принципу *сын—сына—сыну...*, и по принципу *сын—от сына—к сыну...*, и по принципу *пёс—пса—псу...* и т. д. Так, о том, что предложно-падежная форма должна рассматриваться как показатель падежа в целостности, наравне с беспредложными формами, В. А. Богородицкий писал: «Если падежная форма состоит из слова и предлога, то предлог становится такою же необходимою частью формы, как и окончание... Предлог считается формальным элементом падежа»¹³. Ср. также: «Падеж с предлогами представляет собою целостную единицу значения: предлог вместе с падежной формой образует такое единство, которое

¹² В принципе в армянском частотность омонимии форм зависит от того, что принять за основу: семи-, шести- или пятипадежную систему. См.: Ա. Մ. Ղարիբ-յան, Հայոց լեզու, Երևան, 1951, էջ 134—153, է. Բ. Աղաջյան, указ. соч., с. 219—220, Բ. Մ. Իշխանյան, Արդի հայերենի հոլովումը և խոնարհումը, Երևան, 1971, էջ 37, Մ. Արևիկյան, Աշխարհարարի հոլովները, Վաղարշապատ, 1908, էջ 3:

¹³ В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, М.—Л., 1935, с. 222—223.

своим синтаксическим поведением в предложении и характером своего значения в принципе не отличается от беспредложного падежа»¹⁴.

В то же время не вызывает сомнений, что основным показателем падежа в парадигме является флексия, поскольку только совокупность флексий обуславливает последовательное противопоставление рядов словоформ любого имени в парадигме, тогда как остальные показатели признаком такой обязательности не отличаются. Например, в русском, для того чтобы получить из формы им. падежа (неопределенная форма имени) форму винит. падежа, следует обязательно соотнести её с формой, которая выражается флексией—*у* у имен ж. рода, т. е. *дом* является винит. падежом только тогда, когда занимает ту же «клетку», что и словоформа *жену*. При отсутствии же омонимии падежей изменение окончания при переводе слова из одной формы в другую обязательно.

Собственно синтаксические показатели—это те синтаксические значения, которые фиксируют падеж вне зависимости от омонимии/неомонимии формы. Например, в словосочетании *видеть дочь* форма *дочь* принадлежит винит. падежу, поскольку глагол *видеть* управляет с объектным значением только формой винит. падежа.

В синтаксисе форма падежа воспринимается как таковая благодаря ассоциации «по горизонтали», т. е. *видеть дочь*, как *видеть сына, жену, мать*... Таковой она воспринимается и в коммуникации, ибо парадигма—это теоретическое построение, а синтаксис—структура высказывания. Ср. также в армянском: *տալ ընկերոջը, ձրով...*

Собственно синтаксические показатели выявляются уже на уровне словосочетания. Это показатели управления и редко примыкания. Они выражают падеж наиболее жестко, фактически однозначно. Ср.: *говорить дочери* (только дат.)—*платье дочери* (только родит.). В предложении собственно синтаксические показатели—порядок слов в субъектно-объектном высказывании, значения отношения и др. Ср.: *Мать* (им.) *любит дочь* (винит.); *В магазине мы купили пальто дочери* (дат.)—*Я взяла пальто дочери* (родит.) *и отнесла домой*.

К синтагматическим показателям относятся грамматические формы слов-атрибутов, «согласуемых с данной падежной формой существительного»¹⁵. Ср.: *сладкого сахару* (родит.)—*сладкому сахару* (дат.) и др. В армянском этого показателя нет, поскольку нет и согласуемых имен. Ср.: *կարմիր խնձոր—կարմիր խնձորի—կարմիր խնձորից...*

Лексика компонентов предложения осознается средством выражения падежа только при отсутствии иных падежных показателей. Ср.: *Хосе* (мужское имя, именит.) *торговал кенгуру* (творит.); *Проект* (винит.) *разработал завод* (именит.); *Պատը շարուն է վարչետր*.

В коммуникации все средства выражения падежа равнозначны. Ср.: *Отец любит дочь* так же однозначно, как и *Отец любит сына*. В

¹⁴ Русская грамматика, т. I, с. 480.

Вместе с тем многие лингвисты рассматривают предлог как средство управления. См. у К. С. Аксакова: «Предлог, уже обнаруживая в себе силу глагола и управляя именами, стоит на рубеже двух миров слова и из сферы имени переносится в сферу глагола. Принадлежа и той и другой сфере, он действует в духе глагола в первой и в духе имени во второй. Именами он управляет и с глаголами сливается» (К. С. Аксаков, Полное собрание сочинений, т. 3, ч. 2, М., 1880, с. 129).

¹⁵ Е. В. Клобуков, Семантика падежных форм в современном русском литературном языке (Введение в методику позиционного анализа), М., 1986, с. 6.

связи с этим выделение здесь основных и побочных показателей невозможно.

В синхронии между разными падежами существует и формальное (в грамматике) и содержательное сходство/различие, или связь. Например, именит. и винит. формально совпадают почти во всех парадигмах, а в ряде контекстов имеют общие значения. Творительный падеж содержательно связан со всеми падежами, однако форма его всегда специфична.

В диахронии эта связь проявляется в формальном и содержательном взаимодействии как между двумя падежами, так и между разными словоформами одного и того же падежа. Она выражается в вытеснении форм одного падежа формами другого падежа или в развитии новых форм того же падежа. Примером исторического формального взаимодействия в русском является замена винительного, равного именительному, родительным у слов определенной лексикограмматической группы (развитие категории одушевленности), примером взаимодействия форм внутри падежа является вытеснение форм именительного мн. ч. на *-и* у слов м. р. формами на *-а*. Формальное взаимодействие как в статике, так и в динамике приобретает различное содержание и нередко становится выражением по своей грамматической природе различных тенденций, воплощая последние в морфологические и синтаксические категории.

В содержательном плане взаимодействие форм заключается в развитии (или в наличии в синхронии) у одной из форм падежа содержательных (морфологических, синтаксических и коммуникативных) значений, характерных для другой формы того же (внутреннее взаимодействие) или другого падежа (внешнее взаимодействие). Ср. в современном русском развитие у слов м. р., обозначающих лиц по профессии (*врач, профессор*), в именительном ед. ч. категории женского рода, что делает их синонимичными формам им. падежа ж. р. (*врачиха, профессорша*). Интересно, что при наличии *наша врач* формы типа **нашей врачой* отсутствуют.

Взаимодействие содержания и формы падежа предопределяет его место в предложении. В функциональном плане здесь выделяют, например, в русском, формы-предложения, формы-распространители предложения, формы-распространители членов предложения.

Формы-предложения—это образования, способные выступать в качестве отдельного высказывания, выражающего законченную мысль. Ср.: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека* (А. Блок); *В бой! Топором!* и т. д.

Формы-распространители предложения—это детерминанты. Впервые их выделила Н. Ю. Шведова¹⁶. В дальнейшем они были исследованы многими русистами, в частности—Г. А. Золотовой, рассмотревшей их с функциональной точки зрения¹⁷.

Формы-распространители членов предложения—это формы, зависящие (управляемые, примыкаемые, согласуемые) от определенных членов предложения. Например, *Дом строит рабочий, Я люблю весну*.

Эти же группы форм фиксируются и с точки зрения взаимодействия форм и содержания падежа. Формы-предложения это или

¹⁶ См.: Н. Ю. Шведова, Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения (Вопросы языкознания, 1964, № 6).

¹⁷ См.: Г. А. Золотова, Очерк функционального синтаксиса русского языка, М., 1973, с. 103—104.

образования, специфические формально (*Сыну! К топору! В ночь*), или образования в ассоциативно обусловленном употреблении (*Дочь*— субъектное значение, имен. п.; *В поле*—местн. значение, предл. п.). Формы-распространители предложения включают 1) образования, выступающие как предложения (исключения—формы имен. п.), 2) образования, для которых падежное значение нейтрализовано. Ср.: *В ночь (Ночью, В ночи) мы выехали на позиции*. Формы-распространители членов предложения включают все типы форм, в том числе и те, значение которых определяется в синтаксисе или коммуникации. На основании этого можно утверждать, что «отношения между разными типами синтаксических форм слова системно упорядоченными»¹⁸ можно представить не только по функциональным свойствам этих форм, но и по их характеристикам в содержании и выражении.

Таким образом, содержание и выражение падежа в коммуникации и грамматике—различные субстанции и определяются по-разному: в разных аспектах и единицах. Это—две стороны функционирования и существования языка вообще. Плоскость коммуникации—это плоскость восприятия языка как средства общения, а плоскость грамматики—плоскость его лингвистического (научно-аналитического, системного) описания.

В коммуникации содержание падежа всегда однозначно и конкретно, в грамматике (в её разных ярусах в отдельности)—абстрактно и нередко—неоднозначно. В коммуникации падежная форма всегда оказывается выразителем определенного содержания, в грамматике она может быть омонимична. Составляющие содержания и выражения падежа в грамматике являются компонентами коммуникативных значений и единиц соответственно. Сущность языкового знака—в данном случае словоформы как реализации падежа—предстает в виде сложного взаимодействия различных грамматических ярусов, формы и выражения, выражения и содержания. Дальнейшее изучение их—в определении «механизма» этого взаимодействия.

Взаимосвязь между разными падежами в форме и содержании непосредственно определена грамматической сущностью падежа как языкового знака, и в ней также проявляется отмеченное взаимодействие в синхронии и диахронии.

Указанный «механизм» взаимодействия следует рассматривать как систему соответствий и взаимной «страховки», на разных этапах развития языка имеющую специфические элементы и принципы организации.

ՀԱՆՈՎԻ ՁԵՎՆ ՈՒ ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՄԱՆ ԵՎ
ՔԵՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

(*ոռւսաց և հայոց լեզուների նյութի հիման վրա*)

Վ. Վ. ՄԱԿՈՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո ՚ մ

Ձևի և բովանդակության փոխհարաբերությունը լեզվի մեջ լեզվաբանության կենտրոնական հարցերից է: Այն ունի ոչ միայն տեսական, այլ նաև կիրառական նշանակություն: Ծ՛վ ձևը, և՛ բովանդակությունը խոսքի և քերականության մեջ տարբեր ընկալումներ են, և լեզուներն ունեն հստակ «մեխանիզմ», որը ձևի և բովանդակության միջև հավասարակշիռ հարաբերություն է ստեղծում:

¹⁸ Там же, с. 101—102.